

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ КАК КОММУНИКАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ЛОББИЗМА

А.Б. Белоусов

Белоусов Александр Борисович — аспирант Института философии и права УрО РАН.

Теоретический анализ лоббизма ставит перед исследователем методологическую проблему: стоит ли учитывать ситуацию (в теоретическом смысле — контекст, коннотация, одним словом то, что находится на границе значения), исходя из которой субъекты оказывают влияние на структуры государственной власти, какой аналитический инструментарий для этого необходим, и какие теоретические преимущества или, наоборот, недостатки может принести такая исследовательская позиция в анализ лоббизма.

В задачу данной работы не входит производить инвентаризацию методологии структурализма, поэтому мы остановимся на констатации факта, что так или иначе, любой анализ имплицитно подразумевает наличие контекста, а, следовательно, даже его видимое отсутствие не должно вводить исследователей в заблуждение. Отчетливо проследить контекст, равно как и его видимое отсутствие, можно как на уровне формирования понятия, так и на уровне коммуникативной структуры лоббизма. В последнем случае роль контекста значительно возрастает, поскольку он активно формируется действиями участников лоббистского контакта и оказывает влияние на характер контакта. Анализ понятийного контекста позволит нам наглядно продемонстрировать функционирование контекста как такового с тем, чтобы понять, к каким последствиям может привести его недооценка на уровне коммуникативной структуры лоббизма.

Расширение контекста способно привести к размыванию понятия лоббизма, и, в конечном итоге, размывает различия между лоббизмом и другими политическими феноменами. Если понимать лоббизм, исходя из необходимости адекватного взаимодействия гражданского общества и государства, его придется определять как деятельность групп по реализации своих интересов, что сведет лоббизм к представительству интересов. Расширение круга лиц, в отношении которых

могло бы осуществляться воздействие, сводит лоббизм к явлению, известному в политической науке как «advocacy». Напротив, рассмотрение лоббизма как такового в отсутствие контекста задает понятию лоббизма новый контекст внутри самого понятия и делает двусмысленными как формулировку лоббизма, так и восприятие связанных с ним явлений. Наиболее общепринятым является определение лоббизма как деятельности субъектов, влияющих на структуры государственной власти с целью принятия ими необходимых решений. Что бы ни означала эта формулировка, весь контекст в ней задан словом «воздействие», придавая формулировке неоднозначность, и заставляя ее авторов далее уточнять, что как явление лоббизм находится в правовом поле и не имеет никакого отношения к коррупции. В итоге на практике нередко приходится сталкиваться с мнением, что лоббизм процветает во многом благодаря своим теневым формам.

Коммуникативная структура лоббизма представлена взаимоотношениями двух субъектов: лица, представляющего государственную власть, и лоббиста. Какими бы институциональными ограничениями ни отличалась лоббистская коммуникация, это всегда коммуникация двух определенных субъектов. Наличие двух субъектов определяет процесс как субъективно-объективный: субъективный, поскольку в нем находят выражение субъективные установки и действия двух сторон; объективный, поскольку обладает выраженностью в экономическом, политическом и правовом пространстве, доступной для сторонних наблюдателей.

Коммуникационный контекст лоббизма носит тройственный характер и определен тремя возможными точками зрения на один и тот же процесс. Для лиц, представляющих государственную власть, для лоббистов и для широкого слоя общественности (журналисты, политики и т.д.) лоббизм будет представлять собой три разных процесса, которые могут не укладываться в рамки его представления как процесса деятельности субъектов, влияющих на структуры государственной власти с целью принятия ими необходимых решений.

Продемонстрировать следствия влияния коммуникационного контекста на процесс лоббирования можно на примере конфликта интересов, который понимается нами как ситуация, вынуждающая лоббистов¹ контактировать с органами государственной власти. В самом деле, экономическая среда, а именно ее представители наиболее часто оказываются лоббистами, представляет собой борьбу за выживание — жесткую конкуренцию, конфликт интересов. В ход идут любые средства, не запрещенные законом. Не удивительно, что закону и органам государственной власти в конфликте интересов принадлежит особая роль: «Весь мир бизнеса, и капиталистический и социалистический, зависит от закона. За каждым контрактом, каждым долгим обязательством, каждой закладной, каждой совместной сделкой,

любой страховой политикой, любым дебетом или кредитом, в конечном итоге стоит сила закона»². Оказывается, что роль государства в конфликте интересов много больше, нежели роль внешнего наблюдателя, регулятора отношений и судьи. С экономической точки зрения между конфликтом интересов и наличием законов и государства проходит непосредственная связь. Цель конкуренции заключается не только в том, чтобы получить прибыль, и даже не столько в том, чтобы обойти конкурента, хотя прибыль служит инструментом для демонстрации превосходства над конкурентом. Конкуренция не имеет смысла без особой формы легитимации — всеобщего признания превосходства: «...каждое из них [конкретное лицо — А.Б.] утверждает свою значимость и удовлетворяется только как опосредованное другой особенностью и вместе с тем как всецело опосредованное только формой всеобщности...»³. Реализация интереса участником конфликта невозможна без подтверждения (легитимации) правоты интереса государством, воплощающего в себе принцип всеобщности. Когда одна корпорация поглощает другую, используя все не запрещенные законом методы, государство ставится перед свершившимся фактом, а правовая система легитимирует произошедшее. Таким образом, даже при невмешательстве государства в конфликт интересов его структура состоит из трех элементов, где два элемента представляют участников конфликта интересов, а в качестве третьего элемента всегда представлено государство.

Однако трудно представить государство, которое не вмешивалось бы в экономику. Поэтому конфликты интересов всегда происходят на фоне экономической активности государства, и любое действие представителей государственной власти может быть истолковано в пользу либо одной, либо другой стороны. Если государство не на твоей стороне, значит, оно против тебя или в любой

момент может стать против тебя — именно так можно сформулировать ситуацию, исходя из которой стороны конфликта прибегают к лоббированию своих интересов. В оправдание своей лоббистской деятельности группы интересов зачастую вынуждены приводить следующее: чтобы кто-нибудь другой «не объегорил». Конфликты интересов неизбежны, а, следовательно, воздействие на представителей власти происходит в лучшем случае для того, чтобы получить дополнительные средства борьбы с другой группой, а в худшем, чтобы обезопасить себя от возможных коалиций конкурента с представителями органов государственной власти. Как такового воздействия на власть не происходит, оно всегда конкурентно. Оно необходимо и в какой-то мере вынуждено, в ней далеко нет того произвола, который пытаются уличить в лоббизме его противники.

Таким образом, в схему лоббистского взаимодействия, помимо субъекта и структур государственной власти, необходимо вписать третьего участника — конкурента субъекта. И в этом случае конфликт интересов как коммуникационный контекст лоббизма вносит свои коррективы в понимание сути лоббизма, особенно когда речь касается воздействия, производимого субъектами в отношении органов государственной власти.

1 При рассмотрении данной проблемы нет смысла проводить различие между клиентом и лоббистом, поэтому под лоббистом понимается субъект, который контактирует с органами государственной власти ради продвижения своих собственных интересов.

2 Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: 2002, с. 63.

3 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: «Мысль», 1990. С. 228.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕРМИНА

Г.А. Гаврилов

Гаврилов Георгий Анатольевич — аспирант Института философии и права УрО РАН.

В современной политологии признан бесспорным тот факт, что наличие альтернативных политических субъектов, способных оказывать значимое воздействие на процесс принятия политических решений — важнейшая характеристика демократичности политической системы. По опыту развитых демократических стран предоставление возможности оппозиционным силам официально выражать точки зрения, отличные от позиции доминирующего субъекта, оказывает благотворное влияние на стабильность политической системы в целом. Отсутствие оппозиции чревато опасностью политической апатии населения, окостенения власти, коррупции, подъема радикальных движений. По свидетельству западногерманских политологов, 60-е годы в Германии (период пребывания у власти «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ при ограниченности сферы влияния свободных